

Д.Н. Анучин

**О задачах русской
этнографии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А73

А73 **Анучин Д.Н.**
О задачах русской этнографии / Д.Н. Анучин – М.: Книга по Требованию,
2023. – 37 с.

ISBN 978-5-458-12622-9

ISBN 978-5-458-12622-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

tissimae cura collecta, Petropoli. 1876. Sect. prim. Pars. I), но изученіе различныхъ народностей Россіи началось полѣ-вѣкомъ ранѣе. Въ 1733—37 гг. Г. Ф. Миллеръ и І. Г. Гмелинъ, при содѣйствіи Штеллера и Крашениникова, собрали массу этнографическихъ данныхъ въ предѣлахъ Сибири, и Крашениниковъ, въ особенности, составилъ интересное описаніе быта камчадаловъ, народа, находившагося еще тогда въ перво-бытной стадіи каменнаго вѣка. Это описаніе, появившееся въ печати ранѣе, чѣмъ совершились знаменитые кругосвѣтныя экспедиціи Лаперуза, Кука, Форстера,—не утратило своего интереса и въ настоящее время, какъ одно изъ древнѣйшихъ, правдивыхъ и обстоятельныхъ изображеній быта и нравовъ неизвѣстнаго дикаго народа на берегахъ восточной Азіи. Въ 1768 г. начался новый циклъ ученыхъ экспедицій, въ которомъ приняли участіе Пашасъ, Гмелинъ младшій, Гюльденштедтъ, Лепехинъ, Зуевъ, Рычковъ, Фалькъ, Георги и другіе. Всѣми этими изслѣдователями былъ собранъ богатый запасъ свѣдѣній по географіи, естественной исторіи и этнографіи различныхъ областей Россіи, особенно Урала, Сибири, Киргизскихъ степей и Кавказа. Что касается этнографическихъ свѣдѣній, то онѣ касались, разумѣется, болѣе внѣшней обстановки быта; тѣмъ не менѣе въ трудѣ Палласа—о монгольскихъ народностяхъ—была сдѣлана попытка обзрѣть не только бытъ, но также исторію этихъ племенъ, ихъ религію, общественное устройство и т. д. Около того времени, какъ въ Германіи были изданы первые опыты систематическаго описанія различныхъ народовъ, съ приложеніемъ ихъ изображеній (Ethnographische Bildergalerie и др.), и у насъ появилась книжка *Миллера*: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то: черемись, чувашъ и вотяковъ“, С.-Пб. 1791, съ рисунками, и гораздо болѣе обширный трудъ *Георги*: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ“. Вышедшее сперва на нѣмецкомъ языкѣ, это послѣднее сочиненіе было затѣмъ издано два раза на русскомъ, причемъ второе изданіе, 1799 года, полнѣе оригинала и снабжено ста изображе-

ніями народовъ. При составленіи своего труда Георги пользовался, кромѣ собственныхъ наблюденій, еще описаніями Миллера, І. Гмелина, Крашенникова, Штелера, Фишера, Рычкова, С. Гмелина, Палласа, Лепехина, Рычкова, Лема, Клингштедта, Гегстрема, Шлетцера и другихъ, и вообще его трудъ, по своей обширности и числу описанныхъ въ немъ народовъ, едва ли имѣлъ въ то время равныхъ въ западно-европейской литературѣ. Рядомъ съ инородцами, въ немъ описаны и русскіе, но, сравнительно, болѣе кратко и поверхностно, да и то по преимуществу въ историческомъ отношеніи *).

XIX вѣкъ внесъ въ изученіе русской этнографіи новые вопросы и новые методы. Трудъ Клапрота объ языкахъ Азіи былъ первой попыткой научнаго анализа языковъ массы русскихъ инородцевъ. За нимъ слѣдовали труды Шёгрена и Кастрена, положившіе начало сравнительному изученію финскихъ языковъ и финской этнографіи. Разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ (1820 г.) было первымъ русскимъ научнымъ трудомъ въ области славянской филологіи, оцѣненнымъ однако сначала лишь западными славистами—Копитаромъ и Шафарикомъ. Собственно этнографическія изслѣдованія, серьезное собираніе матеріаловъ по народному, крестьянскому быту, началось лишь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Ранѣе, въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при рѣзкомъ отчужденіи высшихъ слоевъ русскаго общества отъ низшихъ, при усвоенномъ презрительномъ отношеніи къ нравамъ и обычаямъ „подлаго“ народа, обстоятельное изученіе его быта, возрѣній, вѣрованій, поэзіи—было немислимымъ. Немногіе собиратели матеріаловъ по на-

---

*) Любопытно, что въ предисловіи къ русскому изданію 1799 года доказывается своевременность труда, между прочимъ, тѣмъ, что многіе народы Россіи подъ вліяніемъ господствующаго языка, религіи и нравовъ утрачиваютъ свои особенности и сближаются съ соседями, а интересъ его — тѣмъ, что „внимательное разсматриваніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простой, естественному состоянію весьма близкій міръ“ и что „грубые наши народы“ выказываютъ сходство по своему образу жизни и нравамъ „со многими дикими другихъ частей свѣта“.

родному быту выбирали изъ него то, что имъ нравилось или казалось болѣе любопытнымъ и курьезнымъ, часто притомъ еще искажая его—поправкою языка, произвольными догадками, выпусканіемъ излишнихъ, по ихъ мнѣнію, подробностей или сентиментальнымъ, фальшивымъ тономъ. Разработка русской исторіи, потребность составить себѣ болѣе наглядное понятіе о бытѣ предковъ была, кажется, однимъ изъ главныхъ поводовъ и къ собранію данныхъ о различныхъ сторонахъ современнаго народнаго быта. Впрочемъ, первыя попытки изученія русскихъ древностей (напр. Успенскаго) и миѳологіи обходились безъ такихъ аналогій съ народною жизнью, и только въ трудахъ Снегирева, Сахарова, Терещенка—мы видимъ попытки болѣе серьезнаго собранія этнографическихъ матерьяловъ и истолкованія ихъ (не всегда удачнаго), какъ остатковъ отдаленной старины. Къ тому же времени, именно къ концу тридцатыхъ и къ сороковымъ годамъ, относится починъ научнаго изученія исторіи юридическаго быта, изученія, которое было перенесено затѣмъ и въ область миѳологіи, обычая и преданія. Въ обширномъ разборѣ книги Терещенка: „Бытъ русскаго народа“ Кавелинъ сдѣлалъ первый серьезный опытъ объясненія народнаго быта, примѣняя къ народной миѳологіи, преданіямъ и обычаямъ тотъ способъ изслѣдованія, какой исторія юридическаго быта прилагала къ учрежденіямъ *). Значительное вліяніе на движеніе русской этнографической науки оказало далѣе, съ одной стороны, знакомство съ славянскимъ міромъ и его литературой, въ лицѣ Срезневскаго, Бодянскаго, Надеждина и иныхъ, съ другой—знакомство съ сравнительно-филологическимъ методомъ, съ новыми направленіями, внесенными Боппомъ, Поттомъ, Гриммомъ, позже Маннгардтомъ, Бенфеємъ и т. д. въ науку о языкѣ и сравнительную миѳологію и приложенными къ соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія въ Россіи—Буслаевымъ, Афанасьевымъ, Котляревскимъ, Веселовскимъ и другими. Извѣстную долю вліянія оказали

*) *Лыгинъ*, „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. Спб. 1873, стр. 196.

также многіе русскіе беллетристы, обратившіеся къ изученію народной жизни и къ ея художественному воспроизведенію или, подобно Далю, занимавшіеся собираніемъ матерьяловъ по русскому народному языку, записываніемъ словъ, поговорокъ, сказокъ, повѣрій и т. п.

Всѣ эти труды въ области изученія русской народности были однако выраженіемъ лишь стремленій отдѣльных частныхъ лицъ, и только въ концѣ сороковыхъ годовъ возникло въ Петербургѣ ученое Общество, принявшее этнографическія изслѣдованія подъ свое руководство и покровительство. Основанное въ 1845 году „Русское Географическое Общество“ поставило цѣлью своего „Отдѣленія Этнографіи Россіи“ собираніе „свѣдѣній о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, въ отношеніяхъ: физическомъ, нравственномъ, общественномъ и языковѣднѣя“. Въ первыхъ двухъ книжкахъ „Записокъ“ этого Общества, вышедшихъ вторымъ изданіемъ въ 1849 году, были помѣщены двѣ статьи, составляющія какъ бы введеніе къ послѣдующимъ трудамъ членовъ Общества въ области этнографіи. Одна изъ этихъ двухъ статей, составившая сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи 6 марта 1846 г. академикомъ К. Э. Фонъ-Бэрромъ, первымъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія, озаглавлена: „Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности“ *).

Бэръ, какъ извѣстно, былъ ранѣе профессоромъ анатоміи въ Кѣнигсбергѣ, а затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, занявъ здѣсь мѣсто академика по кафедрѣ зоологіи, позже—анатоміи, и читая анатомическіе курсы въ медико-хирургической академіи, интересовался особенно антропологіей, изученіемъ человѣческихъ племенъ въ физическомъ или соматическомъ отношеніи. Но, понимая антропологію въ обширномъ смыслѣ, Бэръ, по примѣру Причарда, вполне признавалъ важность изученія племенъ и въ психическомъ,

---

*) Статья эта была написана по-нѣмецки, но читана въ засѣданіи въ русскомъ переводѣ, который и былъ помѣщенъ въ „Запискахъ“.

бытовомъ отношеніи. „Еслибъ богатый человекъ,—такъ начинаетъ онъ свою статью,—желая оставить прочный памятникъ своей любви къ наукамъ и къ Россіи, спросилъ меня, что ему сдѣлать для этого,—я отвѣчалъ бы: доставьте возможность изслѣдованіемъ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить полное этнографическое описаніе нынѣшняго населенія ея и дайте средства издать подобное описаніе. Этимъ вы оставите по себѣ сочиненіе, которое никогда не можетъ быть измѣнено и улучшено, и съ коимъ будутъ справляться самые отдаленные потомки, такъ какъ нынѣ мы ищемъ свѣдѣній въ твореніяхъ Геродота и вообще въ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ народовъ... Запасы для работъ этнографическихъ уменьшаются съ каждымъ днемъ вслѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, которое сглаживаетъ различія племенъ. Народы исчезаютъ и остаются одни имена ихъ. Исторія открытія Сибири показала много именъ народовъ, которые уже не существуютъ. Нѣкоторыя племена близки къ уничтоженію, напр. Ливы и Кривинги. Хотя небреженіе къ физическимъ и нравственнымъ различіямъ племенъ ведется издавна, и вслѣдствіе того память о нихъ теряется, но еще есть многое въ этомъ отношеніи, что могло бы быть собрано и что съ теченіемъ времени уменьшится, а наконецъ и вовсе исчезнетъ. Всѣ свѣдѣнія, кои еще возможно соединить, составляютъ сокровище, которое съ теченіемъ времени возрастетъ въ цѣнѣ... Богачъ, о комъ я говорилъ, есть наше Географическое Общество. Оно желаетъ собрать свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, имѣя для этого немаловажныя средства (Географическому Обществу была пожалована ежегодная субсидія въ 10,000 р.). Но оно должно желать, чтобы труды его были оцѣнены въ ученомъ свѣтѣ и чтобъ они имѣли достоинство постоянное. Посему не должно ли оно предложить себѣ вопросъ: на какія изслѣдованія употребить прежде всего эти средства? И не слѣдуетъ ли отвѣчать: употребите ихъ для работъ такого рода, матеріалъ коихъ уменьшается съ каждымъ днемъ, и коль скоро исчезнетъ, то уже никакъ не можетъ быть созданъ

вновь, и притомъ такихъ, которыя будутъ вполне оценены отечественными и заграничными учеными и никогда не потеряютъ своей важности. Посему я совѣтовалъ бы употребить немедленно средства, коими Общество располагаетъ, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно на этнографическія изслѣдованія въ Россіи, еслибъ только для этого не нужно было продолжительное приготовленіе. Но приготовленіе необходимо. Мы должны сдѣлаться вообще болѣе способными для этнографическихъ работъ и найти людей, кои исключительно посвятили бы себя этому роду занятій“.

Далѣе Бэръ указываетъ на важность этнографіи для исторіи: „Этнографія нашего времени представляетъ современныя племена въ живой картинѣ того положенія, въ коемъ находились другіе народы, давно исчезнушіе, но о коихъ сохранились еще неясныя сказанія... Исторія, или по крайней мѣрѣ исторія просвѣщенія и этнографія часто заимствуются одна отъ другой и въ основаніяхъ своихъ составляютъ одну и ту же науку... Сравнительная этнографія описываетъ въ настоящемъ тѣ отношенія, о коихъ исторія повѣствуетъ, когда они уже прошли. Такимъ образомъ, исторія образованности человѣчества, написанная Клеммомъ, есть ничто иное, какъ изображеніе жизни народовъ въ теченіе временъ. Но кромѣ всеобщихъ свѣдѣній о разныхъ степеняхъ просвѣщенія, подробное знаніе разныхъ народовъ новѣйшаго времени весьма важно для вывода общихъ заключеній тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ собственныхъ историческихъ данныхъ. Все, что народъ сохранилъ отъ прошедшаго, можетъ повести часто къ весьма важнымъ заключеніямъ. Сюда мы отнесемъ: физическія свойства народа, умственные способности его, религію, предрасудки, нравы, способы къ жизни, жилища, посуду, оружіе, языкъ, повѣрья, сказки, пѣсни, музыку и проч. Даже часто мѣстныя названія даютъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ подлинныя документы... Но я никогда бы не кончилъ, еслибъ вздумалъ подробно излагать, какимъ образомъ познаніе племенъ объясняетъ исторію. Это

было бы притомъ излишне, ибо каждый видитъ, что исторія челоѳчества имѣетъ два рода данныхъ: одни, собранныя на камнѣ, пергаментѣ и бумагѣ, и другія, составляющія часть настоящей жизни народовъ. Слишкомъ долго занимались ученіе только перваго рода данными... Только въ прошедшемъ столѣтіи стали обращать вниманіе на живые источники и только въ XIX вѣкѣ убѣдились, что эти источники измѣняются и истощаются. Могу заключить только замѣчаніемъ, что историческій изслѣдователь съ величайшимъ усердіемъ старается теперь подмѣтить и сохранить самомалѣйшія отличительныя черты народности во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ съ удивленіемъ видитъ, сколько было употреблено трудовъ и расходовъ, и сколько еще теперь употребляется, чтобъ разузнать прошедшее положеніе народа, и какъ беззаботно въ то-же время пропускаютъ безъ замѣчанія нынѣшнія обстоятельства. Составлены цѣлыя собранія Египетскихъ рѣдкостей и употреблены на это милліоны... но я сомнѣваюсь, чтобъ гдѣ-нибудь сохраняли русскую балалайку, хотя чрезъ столѣтія настоящая балалайка, конечно, будетъ большою рѣдкостью. Вообще изъ собственно русскихъ произведеній едва ли мы найдемъ что-нибудь въ музеяхъ, кромѣ развѣлаптей, которые Петръ Великій подарилъ на память въ Копенгагенѣ“.

Въ заключеніе Бэръ обратилъ вниманіе на важность основательныхъ этнографическихъ свѣдѣній для „политики“. Введеніе новыхъ формъ общественнаго устройства, реформы въ существующихъ гражданскихъ отношеніяхъ, должны сообразоваться, по его мнѣнію, съ обстоятельствами, съ уровнемъ культуры племенъ, ихъ бытомъ и потребностями. Однѣ и тѣ же формы не могутъ прилагаться одинаково ко всѣмъ народамъ и къ различнымъ ступенямъ культуры. Племя негровъ, говоритъ онъ далѣе, нигдѣ не возвысилось надъ жалкимъ фетишизмомъ...» Въ монгольскомъ племени мы находимъ пространныя государства и полное развитіе самодержавія, но нигдѣ не видимъ ограниченія самодержавія правительственными учрежденіями, или же находимъ только кочующихъ народовъ, безъ устроен-

наго правительства...; Организованную республику и умѣренную монархію находимъ только въ племенахъ индо-европейскаго происхожденія“. Что касается до причинъ, обуславливающихъ такое различіе, то, по мнѣнію Бэра, „съ увѣренностью можно сказать, что условія мѣстности опредѣляютъ главныя различія способностей народа,“ но „остается также справедливымъ, что способности ума находятся въ зависимости и связи съ тѣлеснымъ образованіемъ“. При обсужденіи этихъ взглядовъ Бэра слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ то время, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, западно-европейскими учеными высказывалось перѣдко мнѣніе о неравенствѣ человѣческихъ расъ въ психическомъ отношеніи. Укажемъ, на примѣръ, на Гобино, написавшаго четырехтомное сочиненіе: „*Sur l'inégalité des races humaines*“ и на Каруса, дѣлившаго всѣ племена человѣчества на активныя и пассивныя, „мужскія“ и „женскія“. Это коренное различіе между племенами проводилось нѣкоторыми гораздо дальше, чѣмъ между неграми и бѣлыми. Многіе нѣмецкіе историки и публицисты, Лео, Клеммъ, Риль—видѣли въ различіи германцевъ и славянъ какъ бы различіе половое, и доказывали, что германцы представляютъ собою элементъ мужескій, активный, а славяне—элементъ женскій, страдательный. Иные выставляли германцевъ носителями внутренне-религіознаго, нравственнаго элемента, романцевъ—раціоналистическо-политическаго, а славянъ—матеріалистическаго, и уподобляли ихъ хамитамъ, въ противоположность семитамъ и яфетитамъ. Дитцель сравнивалъ славянъ съ неграми и доказывалъ, что „Русскіе, хотя и бѣлые, но у нихъ есть свойства негровъ. Они не работаютъ болѣе, чѣмъ нужно, и безъ принужденія“. Поэтому „крѣпостное право надолго не можетъ быть уничтожено въ Россіи, даже по причинамъ экономическимъ, такъ какъ русскій иначе, какъ изъ-подъ палки, работать не умѣетъ“ *). Мы не думаемъ однако утверждать, чтобы Бэръ раздѣлялъ подобныя же взгляды, хотя

*) См. В. Ламанскій, *Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра*. Спб. 1871.

онъ и былъ, повидимому, убѣжденъ въ существенномъ отличіи физическаго типа славянъ отъ типа германцевъ (особенно по черепу) и въ ббльшей близости его къ монгольскому.

Въ другомъ своемъ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1848 г., Бэръ предложилъ Географическому Обществу обратить вниманіе на устройство обширнаго и систематическаго этнографическаго музея, который бы могъ дать наглядное понятіе объ обстановкѣ народной жизни, недостижимое простымъ описаніемъ. Въ своемъ сообщеніи Бэръ изложилъ подробную программу такого музея, указалъ на тѣ категоріи предметовъ, которыя должны быть въ немъ представлены, и на то, что лучше, если они будутъ размѣщены по народностямъ, а не по другой системѣ, на примѣръ—по видамъ предметовъ. Развивая такіе взгляды, Бэръ проводилъ мысли, высказанныя 17 годами ранѣе Жомаромъ (Jomard), извѣстнымъ археологомъ-египтологомъ, бібліотекаремъ королевской (нынѣ національной) бібліотеки, который еще въ 1831 г. представилъ французскому министру торговли записку о необходимости основать въ Парижѣ этнографическій музей. Въ этой запискѣ, въ числѣ разныхъ доводовъ, былъ, между прочимъ, приведенъ тотъ, что „когда со временемъ пожелають начертать историческую картину прогресса дикарей, можетъ быть для того не окажется уже никакого матеріала, кромѣ смутныхъ указаній и темныхъ преданій. Поэтому для исторіи человѣчества и цивилизаціи представляло бы большое значеніе, еслибы было опредѣлено въ подробностяхъ то состояніе, котораго достигли эти дикіе народы ранѣе усвоенія ими благъ просвѣщенія и лучшаго общественнаго устройства“. На записку Жомара откликнулся особенно извѣстный этнографъ и знатокъ Японіи, Зибольдъ. Въ своемъ „Письмѣ о пользѣ этнографическихъ музеевъ“ (*Lettre sur l'utilité des Musées Ethnographiques*, 1843), адресованномъ Жомару, Зибольдъ замѣтилъ, между прочимъ, что „ислѣдованія, которыя можно назвать сравнительно-археологическими и сравнительно-этнологическими и которыя основываются на

очевидныхъ аналогіяхъ, представляемыхъ бытомъ народовъ исчезнувшихъ съ бытомъ народовъ еще живущихъ, — что этого рода изслѣдованія выставили съ особенною ясностью значеніе археологическихъ и этнографическихъ коллекцій, сдѣлавшихся теперь существенно необходимыми при серьезномъ изученіи исторіи древней и новой культуры“. Записка Жомара была передана на разсмотрѣніе особой комиссіи и удостоилась полнаго одобренія вліятельнаго тогда Кювье; тѣмъ не менѣе, прошло около тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ идея Жомара получила, и то далеко не полное, осуществленіе въ Парижѣ.

Какъ натуралистъ, Бэръ интересовался всѣми племенами и народностями Россіи одинаково, и если отдавалъ изученію нѣкоторыхъ предпочтеніе, то потому, что они были менѣе извѣстны или близки къ вымиранію и исчезновенію. Съ другой стороны, не будучи русскимъ, онъ не могъ сознать въполнѣ важности изученія кореннаго русскаго племени, познаніе котораго могло внести новый свѣтъ какъ въ русскую исторію, такъ и въ пониманіе современныхъ народныхъ потребностей. Поэтому сдѣланное въ 1846 г. сообщеніе Н. И. Надеждина: „Объ этнографическомъ изученіи народности русской“ являлось существеннымъ дополненіемъ ко взглядамъ и задачамъ, высказаннымъ Бэромъ. Надеждинъ былъ славистъ, историкъ-географъ и, по тому времени, человѣкъ многосторонне-образованный. Его изслѣдованія о Геродотовой Скиѣи и его „Опытъ исторической географіи русскаго міра“ были важными и цѣнными вкладами въ русскую науку. Послѣдній трудъ остался, правда, неоконченнымъ, и въ сущности это было только введеніе въ русскую историческую географію; но онъ важенъ тѣмъ, что въ немъ было впервые указано на важность этой отрасли знанія для пониманія историческихъ судьбъ славянскаго племени и русской народности и разъяснено на рядѣ примѣровъ, какимъ методомъ слѣдуетъ руководствоваться при анализѣ русской географической номенклатуры. Свое сообщеніе, сдѣланное въ годичномъ собраніи Географическаго Общества 1848 г., Надеждинъ началъ съ того,